

ПУБЛИКАЦИИ

“А ВПЕЧАТЛЕНИЕ БЫЛО ПОИСТИНЕ НЕОБЫЧАЙНОЕ...”

(письмо Ф.Д.Самарина о Пушкинской речи Достоевского)

Москва, 9 июня <1880 г>

Духов день

Не удивляйся, милая Соня¹, что я так поздно принимаюсь за ответ на твое письмо: прежде не о чем было писать и потому я выжидал окончания пушкинских торжеств², которые зато дают мне столько материала, что я не знаю, как с ним совладать. И во-первых, оставляю в стороне внешнее описание первых трех дней праздника: вы это вычитаете из газет, которые папа³ собирает вам послать; там же вы прочитаете превосходную статью Каткова о Пушкине⁴, — мо^{жет} б^{ыть}, лучшее из всего, что было писано и говорено, за исключением вчерашней речи Достоевского. Вот об этой-то речи я и хочу рассказать тебе, потому что до возвращения в Россию тебе едва ли удастся ее прочитать⁵. — Вчера, в два часа дня, открылось заседание Общ^{ества} любителей российской словесности (второе заседание)⁶ незначительною и скучною речью Чаева⁷. Затем⁸ вышел на кафедру Достоевский, встреченный дружным приветствием публики. Я не в состоянии, конечно, изложить тебе последовательно содержание его длинной, часто прерывавшейся аплодисментами речи. Скажу только, что он подразделил все произведения Пушкина на два разряда⁹: в первых изображаются типы русские, народные; во вторых развиваются идеи общечеловеческие, мировые. Из первых он особенно остановился на “Цыганах” и “Евгении Онегине”, и эта часть его речи до такой степени замечательна, что к ней вполне идет эпитет “гениальный”, употребленный И.С.Акс^{ак}овым о всей речи Достоевского. Достоевский тут мастерски очертил этот тип русского скитальца, еще несколько туманно изображенный в Алеко (“Цыганы”) и вполне отчетливо выразившийся в Онегине. Этот тип он назвал типом отрицательным. Но рядом с ним он нашел тип положительный — именно Татьяну, в которой он, в противоположность Белинскому¹⁰, видит идеал Пушкина, идеал русской женщи-

ны, подобный которому он находит только в Лизе Тургенева (“Дворянск<ое> гнездо”)¹¹. Особенно выдавался психологический разбор характера Татьяны и ее сравнение с Онегиным. Затем Дост<оев>ский перешел к другому разряду произведений Пушкина, где, как в “Фаусте”, “Каменном госте”, “Скупом рыцаре” и т. д., — развиваются идеи мировые и где поэт берет материал из чужой жизни. Тут он особенно старался выяснить необыкновенную отзывчивость Пушкина, его удивительную способность переноситься вполне в чужую народность. Эту способность он признал за ним в большей степени, чем за каким-либо другим великим поэтом, и усмотрел в ней народную русскую черту. Это его привело к вопросу о мировом значении русской народности. Эта часть его речи, по-моему, страдает некоторою неопределенностью и туманностью, но тем не менее произвела необыкновенное впечатление. Он стал развивать свою давнишнюю любимую мысль, — что основная черта русской народности и состоит именно в стремлении к общечеловечности и что только став русским, только припав к земле, и можно достигнуть общечеловечности¹². Этим он примиряет славянофильство и западничество, спор между которыми он считает происшедшим от недоразумения. Таково основное содержание речи Дост<оев>ского. Понятно, мои слова могут только намекнуть приблизительно на то, о чем шло дело, они никак не могут передать впечатления, произведенного речью, блиставшею глубиной мысли и остроумием, да притом прочтенной с необыкновенным чувством. А впечатление было поистине необычайное! Во время речи ежеминутно принимались аплодировать, а по окончании все встали, дамы и девицы замахали платками и захлопали, мужчины совсем вышли из себя: застучали ногами, закричали браво, замахали шляпами, — словом, произошло что-то небывалое. Уверяют (сегодня в “Соврем<енных> извест<иях>”), что многие плакали, а один молодой человек взбежал на эстраду и, не найдя там Достоевского, упал в нервном припадке¹³. И что всего замечательнее, это, что так принята была речь, в которой были многие места необыкновенно смелые и большинству несочувственные: так было несколько резких (?) выражений об интеллигенции, был горький, но справедливый отзыв о наших социалистах и пр. После Достоевского наступил перерыв в заседании; члены общества удалились: очередь была за Аксаковым, но он отказался, говоря, что его речь *ненужна* (подчеркнуто в автографе. — Б.Т.) после речи Достоевского. Однако, ввиду неудовольствия, которое возбуждал этот отказ, папа уговорил И.С. взойти на кафедру и сказать сначала те несколько слов, которые им были приготовлены, чтобы мотивировать свой отказ, говоря, что сама публика потребует, чтобы он читал. Он действительно вышел на кафедру и сказал, что никто, мож<ет> б<ыть>, не радовался речи Д<остоев>ского более, чем он, Аксаков, что его речь есть лишь слабая вариация на тему, которая так художественно, так блистательно, так гениально была развита Дост<оев>ским. Что вчера еще можно было спорить и рассуждать о том,

народный ли поэт Пушкин, или нет¹⁴, а что теперь речь Достоевского, как молния, озарила всех светом и что к ней с одинаковым сочувствием присоединяется как представитель крайнего славянофильства — Ив<ан> Серг<еевич> Акс<аков>, так и представитель крайнего западничества — Ив<ан> Сергеев<ич> Тургенев. Так что вопрос исчерпан и толковать об нем более нечего. Это было очень хорошо принято, с дружными рукоплесканиями, но потребовали тем не менее, чтоб он прочел свою речь, и даже когда он обещал прочесть отрывки, — закричали: “всю, всю!”. Конечно, речь его, — длинная и наполненная рассуждениями, и сама по себе не особенно удачная, тут, после удивительно оригинальной речи Достоевского, показалась бледною. Рукоплескания вызвал только ее конец и отрывки из стихотворений, мастерски прочтенные¹⁵. Следующих речей уже никто не слушал¹⁶; закончилось все новым торжеством Достоевского (который перед тем еще был выбран в почетные члены Общ<ества> л<юбителей> р<оссийской> сл<овесности>¹⁷); курсистки поднесли ему лавровый венок, и одна из них сказала ему, говорят, очень милое приветствие¹⁸. Наконец, в заключение предложили подписку на памятник Гоголю (на Никитск<ом> бульваре) и тут же собрали около 4-х тысяч¹⁹.

Вот тебе краткое описание вчерашнего дня, самого замечательного из всех четырех дней праздника. <...>

Теперь перейду от событий общественных к событиям семейным. <...>

Ф. Самарин

Автограф хранителя: ГАУО. Ф. 866 (Самариных), оп. 1, ед. хр. 196, л. 176-181. Публикуем письмо по ксерокопии, любезно предоставленной нам М.Г.Матлиным (Ульяновск); им же сообщены некоторые источники сведений об авторе письма, за что мы выражаем М.Г.Матлину искреннюю благодарность. Публикуется только часть письма, посвященная Пушкинской речи Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Автор письма — Федор Дмитриевич Самарин (1858 — 1916), племянник известного деятеля славянофильства Юрия Самарина. Выпускник (1880) историко-филологического факультета Московского университета. Влиятельный деятель московского земства. Позднее — основатель (вместе с М.А.Новоселовым) “Кружка ищущих христианского просвещения”, в который входили В.А.Кожевников, кн. Гр.Н.Трубецкой, П.Б.Мансуров, П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков и др. О нем см.: Флоренский П.А. Памяти Феодора Дмитриевича Самарина //Флоренский П.А. Сочинения: в 4-х томах. М., 1996. Т. 2. С. 337 — 345; также: Феодору Дмитриевичу Самарину († 23 окт. 1916) от друзей. Сергиев Посад, 1917; Вестник РСХД (Париж), 1978, № 125 (здесь на с. 255 фото Ф.Д.Самарина в последние годы жизни со свящ. П.А.Флоренским).

¹ Софья Дмитриевна Самарина, родная сестра автора письма.

² Торжества по случаю открытия в Москве на Тверской площади памятника Пушкину первоначально были приурочены к дню рождения поэта и должны были проходить 25 — 26 мая 1880 г., но в связи с кончиной 22 мая императрицы Марии Федоровны и объявлением в стране траура они были перенесены и проходили 5 — 8 июня.

³ Самарин Дмитрий Федорович (1831 — 1901), младший брат Юрия Самарина, его биограф и издатель собрания его сочинений; сотрудник изданий И.С.Аксакова (“День”, “Русь”) и “Московских ведомостей” М.Н.Каткова; долгое время влиятельный гласный московского земства.

⁴ Видимо, Самарин имеет в виду статью М.Н.Каткова “Пушкин”, первоначально опубликованную в № 1 и № 3 журнала “Русский вестник” за 1856 г., большой фрагмент из которой в дни торжеств по случаю открытия памятника Пушкину был перепечатан в “Особом прибавлении к № 155 “Московских ведомостей” от 6 июня 1880 г.” с подзаголовком “Из “Русского вестника” 1856 года”. Вряд ли возможно предположить, что подразумевается перепечатанная в нескольких газетах речь Каткова, произнесенная им на обеде, устроенном городской думой в зале Благородного собрания 6 июня. Речь эта, с призывом к общественному согласию, была вовсе не “о Пушкине”, но лишь по поводу пушкинских торжеств.

⁵ Текст речи Достоевского, озаглавленный “Пушкин (очерк)”, был опубликован в № 162 “Московских ведомостей” от 13 июня 1880 г. и 14 июня перепечатан в “Современных известиях” и “Русской газете”. Стоит отметить, что, по свидетельству некоторых мемуаристов, во время выступления “листочками” со списком своей речи Достоевский “почти не пользовался” (см.: Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников, М., 1990. Т. 2. С. 414), то есть имел место определенный элемент импровизации, и, следовательно, опубликованный текст не является полностью “аутентичным” и может рассматриваться как авторский печатный вариант. Это обстоятельство (особенно в связи с множественными случаями различной оценки одними и теми же лицами живого выступления Достоевского и напечатанного позднее текста) делает исключительно ценными любые свидетельства непосредственных очевидцев речи писателя.

⁶ Первое заседание Общества любителей российской словесности в Колонном зале московского Благородного собрания, под председательством С.А.Юрьева, состоялось накануне, 7 июня. Среди выступавших на нем с речами были И.С.Тургенев и А.Ф.Писемский.

⁷ Чаев Николай Александрович (1824–1914), историк-археолог и писатель (автор исторических драм и романов), до середины 1880-х годов занимал должность хранителя и помощника директора Оружейной палаты. Председательствуя на заседании 8 июня, произнес, открывая его, вступительное слово, отличавшееся искусственностью и выспренностью стиля. См.: Венок на памятник Пушкину/Сост.Ф.Б<у>лгаков. СПб., 1880.

⁸ Самарин здесь неточен. Вслед за вступительным словом Чаева и непосредственно перед Достоевским с чтением стихотворения “Памяти Пушкина” выступил А.Н.Плещеев.

⁹ Сам Достоевский говорит о “трех периодах” творчества Пушкина, но четко — и именно по указываемому Самариним основанию — противопоставляет первым двум третий период, в который “преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении” (26; 145).

¹⁰ Самарин имеет в виду следующее место речи Достоевского: Онегин “не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за “нравственный эмбрион”. Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин...” (26; 140). В этих слова скрытая (впрочем, достаточно прозрачно) полемика со следующим местом из статьи Белинского об “Онегине”: “А этот упрек, что тогда <в деревне> она нашла со стороны Онегина одну суровость? “Вам была не новость смиренной девочки любовь?” Да это уголовное преступление — не подорожить любовью нравственного эмбриона!” Poleмика с Белинским может быть усмотрена и в следующих словах Достоевского: “Кстати, кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась ее души и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину? Нет, это не так было” (26; 141).

¹¹ Н.Н.Страхов свидетельствует: “При имени Тургенева зала, как всегда, загрохотала от рукоплесканий и заглушила голос Федора Михайловича. Мы слышали, как он продолжал: “... И Наташи в “Войне и мире Толстого”. Но никто в зале не мог их слышать...” (Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников, Т. 1. С. 513). Как видим, Самарин тоже не слышал слов о Наташе Ростовской.

¹² Эти идеи впервые возникают в публицистике Достоевского еще в начале 1860-х годов. См., например, “Объявление о подписке на журнал “Время” на 1861 год”, “Введение” к “Ряду статей о русской литературе” и др.

¹³ Обозреватель “Современных известий” № 157 от 9 июня 1880 г. писал: “О силе впе-

чтения, произведенного на слушателей, можно судить по тому, что зала буквально была свидетельницей истерических припадков; женщины плакали, а один молодой человек, потрясенный, стремительно, вне себя бросился к оратору. Не найдя его там (на эстраде. — **Б.Т.**), потому что члены Общества, вместе с оратором удалились тем временем в смежную с эстрадой залу, молодой человек вбежал туда и упал без чувств; несколько минут продолжался этот нервный припадок”. Мемуаристка Е.П.Леткова (Султанова) называет имя этого молодого человека: Паприц. Видимо, это выпускник Петровской земледельческой академии, рано умерший (9 окт. 1883) писатель Константин Эдуардович Паприц.

¹⁴ Важный нюанс: Самарин подтверждает точность изложения этого места выступления И.С.Аксакова в печати, где слова оратора были переданы следующим образом: “Отныне вопрос о том, *народный* ли Пушкин поэт, решен окончательно, и толковать больше нечего” (Венок на памятник Пушкину. С. 62). Этот нюанс значим тем, что реплика Аксакова полемически направлена в адрес И.С.Тургенева, который в своей речи накануне сказал: “Вопрос: может ли он <Пушкин> назваться поэтом *национальным*, в смысле Шекспира, Гете и др., мы оставляем открытым”. Тургенев различал понятия народный и национальный. Народность Пушкина была для него вне сомнений; но, признав, что “самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа”, он затем продолжал: “Все так... Но можем ли мы по праву назвать Пушкина *национальным* поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают), как мы называем Шекспира, Гете, Гомера? Пушкин не мог все сделать...” Однако оппоненты Тургенева (Аксаков, Достоевский) восприняли это место тургеневской речи как отказ Пушкину в праве называться именно народным поэтом. Сходно с Аксаковым Достоевский в письме к С.А.Толстой сообщает: “Как раз накануне моей речи Тургенев отнял у Пушкина (в своей публичной речи) значение **народного** поэта” (30, I; 188).

¹⁵ “Публика кричала: “Всю, всю!” Я спорить не стал, — вспоминает И.С.Аксаков, — но ее (публику. — **Б.Т.**) не послушал и прочел только (но все же около получаса времени это заняло) несколько отрывков” (Русский Архив. 1891. № 2. С. 98). Полный текст речи Аксакова см.: **Аксаков К.С., Аксаков И.С.** Литературная критика. М., 1981.

¹⁶ После Аксакова выступали историк и археограф Н.В.Калачев, историк и издатель П.И.Бартенев и писатель А.А.Потехин.

¹⁷ “Но овации Достоевскому не кончились с его речью, — записал в дневнике один из очевидцев событий М.А.Веневитинов. — Члены Общества любителей <российской словесности>, горячо поздравив его на эстраде рукопожатиями и лобызаниями, тут же, не сходя с места, провозгласили его почетным членом своего общества” (Лит. наследство. М., 1973. Т. 86, С. 505). “Юрьев (председатель) зазвонил в колокольчик и объявил, что Общество любителей <российской> словесности единогласно избирает меня своим *почетным* членом. Опять вопли и крики”, — писал сам Достоевский в письме к жене (30, I; 185). По уставу Общества статус почетного члена считался выше статуса действительного члена: действительным членом Общества любителей российской словесности Достоевский был избран еще в 1879 году.

¹⁸ “Во время раздавшихся по этому поводу (см. примеч. № 17) аплодисментов, — записывает М.А.Веневитинов, — через залу к эстраде потянулась вереница дам, с трудом пробиравшаяся через столпившуюся в проходе между кресел публику и предводительствуемая большим зеленым венком с яркими лентами. Это были слушательницы педагогических курсов. Их допустили на эстраду, затем далее на сцену, где они под самым бюстом Пушкина при криках и топоте и махании платков всей залы возложили свой венок на Достоевского <...> и несколько времени держали его над ним” (Лит. наследство. С. 505). Имена двух “интеллигенток-либералок”, возложивших венок на Достоевского, называет в своих воспоминаниях А.Амфитеатров: это Ю.И.Глики и княжна Н.Д.Мышецкая (См.: Лит. Россия. 1965. 2 июля. С. 22). А.Г.Достоевская в своих воспоминаниях, со слов мужа, рассказывает, что после окончания всех торжеств, уже поздней ночью, Достоевский “поехал опять к памятнику Пушкину <...> с трудом поднял поднесенный ему на утреннем заседании, после его речи, громадный лавровый венок, положил его к подножию памятника своего “великого учителя” и поклонился ему до земли”. — **Достоевская А.Г.** Воспоминания. М., 1971. С. 365.

¹⁹ М.А.Веневитинов свидетельствует, что с предложением о подписке на памятник Гоголю выступил в завершении своей речи писатель А.А.Потехин, но называет меньшую собранную сумму — “до 3000 рублей”. — Лит. наследство. С. 506.

Публикация и комментарий **Б.Н.ТИХОМИРОВА**